

БУНИН писал в своей неоконченной книге о Чехове, что красота "Вишневого сада" — "мнимая".

"Я рос именно в "оскудевшем" дворянском гнезде. Это было глухое степное поместье, но с большим садом, только не вишневым, конечно, ибо, вопреки Чехову, нигде не было в России СПЛОШЬ вишневых: в помещичьих садах бывали только ЧАСТИ садов, иногда даже очень пространные, где росли вишни и нигде эти части не могли быть, опять-таки вопреки Чехову, как раз возле господского дома, и ничего чудесного не было и нет в вишневых деревьях, совсем некрасивых, как известно, корявых, с мелкой листвой, с мелкими цветочками в пору цветения (вовсе не похожими на то, что так крупно, роскошно цветет как раз под самыми окнами господского дома в Художественном театре)".

Это был спор двух гениальных художников слова. Но когда я перечитываю приведенные строки, удивляюсь: до чего же негениален, сугубо "правдоподобен" бунинский отзыв. О чеховском "Вишневом саду" — поэтичном до того, что кажется читателю и зрителю почти ирреальным, как бы приснившимся, так мог бы написать не художник, а помещик. С Бунинным вообще случалось такое. О Чехове он сказал: "Очень зоркие глаза дал ему Бог!" У него самого были зоркие глаза, но порой какая-то сердитая, гневная предвзятость сужала взгляд.

"Вишневый сад" — не просто заглавие. Это образ. Пишущие о последней чеховской пьесе не раз вспоминали слова писателя, сказанные еще в молодые годы: "Ужасно я люблю все то, что в России называется имением. Это слово еще не потеряло своего поэтического оттенка" (письмо Н.А. Лейкину 12 или 13 октября 1885г.). Обо всем этом я вспоминал, когда читал новую — последнюю — книгу Михаила Громова (1927–1990). Называется она "Чехов" и вышла в свет уже после его смерти, в 1993 г., в серии "Жизнь замечательных людей" (изд. "Молодая гвардия"). Книгу подготовила к изданию жена Михаила Громова Лидия Дмитриевна Громова — Опульская, литературовед и опытный текстолог.

Михаил Петрович писал о чеховском "Вишневом саду":

Когда за деревьями виден сад

Зиновий ПАПЕРНЫЙ

Вечно сегодняшний Чехов

"Он обитает, в нем в самом деле живет безмолвная память о тех, кто некогда готовил для него землю, выращивал саженцы, ухаживал за ними, хранил их от морозов и весенних холодных утешников, прививал, поливал — вообще из года в год трудился и хлопотал, потому что сады не растут без хозяйского глаза. Образ сада хранит в своей сердцевине идею времени, точнее — идею человеческой жизни, текущей из поколения в поколение".

Когда читаешь отрывок из книги М.П. Громова, чувствуешь, как незначительные выражения Бунина о том, что вишневые сады не были сплошными, не находились рядом с господским домом, а вишневые деревья — корявые и некрасивые. Разбирая "Вишневый сад", Громов вспоминает страничку из повести "Степь", где описывалось путешествие Егорушки:

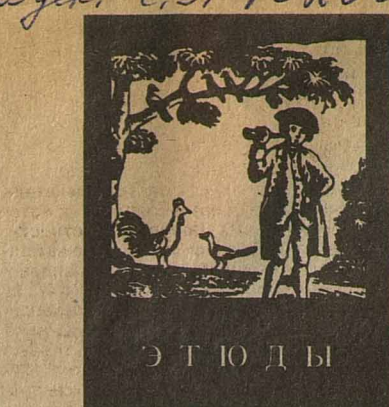
"Мальчик всматривался в знакомые места, а ненавидимая бричка бежала мимо и оставляла все позади. За острым промелькнули черные, закопченные кузицы, за ними уютное, зеленое кладбище, обнесенное оградой из булыжника; из за ограды весело выглядывали белые кресты и памятники, которые прячутся в зелени вишневых деревьев и издали кажутся белыми пятнами. Егорушка вспомнил, что, когда цветет вишня, эти белые пятна мешаются с вишневыми цветами в белое море..."

И Громов замечает: "Долго жил в сознании Чехова образ этого сада, где живет само прошлое, — белое море прошлого в советии и багряные вишневые дерев..."

У Чехова, как редко у какого другого художника, долго, порой не годами, а десятилетиями зрели, вырастали замыслы. Поэтические ростки постепенно становились раскидистыми деревьями. Чтобы изучать Чехова, надо иметь особую поэтическую память. Погружаясь в этот текст, помнить другие, держать в памяти всегда все. Такая особая, не каждому чеховеду данная память была у Михаила Громова.

"Вишневый сад" — может быть, самая поэтическая чеховская пьеса (ее не случайно сближали с "Чайкой"). И в то же время, наверное, самая социальная драма. А уж ортодоксальных чеховедов прошлых лет хлебом не корми, дай только проанализировать все с классовой точки зрения.

В 1960 году, к столетию со дня смерти писателя, вышла в свет книжка "Вишневый сад" А.П. Чехова. Пособие для учителей. Автора называть не буду — его уже нет, да и дело не в нем, не в том, как он написал, а в том, как писали, как учили, наставляли, натащивали многие авторы книг, учебников, пособий. Начиналась та книга с трех этапов освобождения движения в нашей стране. Чеховская пьеса создавалась в условиях третьего этапа, что и определило, очевидно, все ее своеобразие. Подробно говорилось о стачках, революционных демонстрациях. Одна за другой сыпались ленинские цитаты. Если не знать, могло создаться впечатление, что Владимир Ильич и написал



ЭТЮДЫ

"Вишневый сад". Ссылка на него было гораздо больше, чем на Чехова.

А вот еще одна книга, так же, как "Чехов" М.П. Громова, вышедшая в серии "Жизнь замечательных людей" в 1974 году под тем же названием. Автор — Г.П. Бердников, видный, плодовитый чеховед. Нелишне будет заметить, что в ту пору, когда вышла книга, он занимал весьма ответственный пост — работал в отделе культуры ЦК КПСС. До этого тоже успешно трудился на номенклатурном поприще — заместитель министра, директор института и т.п. Нетрудно сообразить — книга была просто обречена на восторженные оценки. Об официально выходящих авторах можно было говорить или хорошо, или ничего. Так номенклатура сама приравняла себя к покойникам. Литературовед Б.Г. Реизов, солидный специалист по западно-европейской литературе, как и многие другие его коллеги, счел своим долгом в рецензии заявить, что книга Бердникова — "несомненная удача нашей науки и литературы", "вызывает интерес и волнует каждая страница книги".

Мы видели, что для Громова "Вишневый сад" — прежде всего поэтический образ, живущий во времени. Бердников же считает, что Пете Трофимову Чехов не только "доверяет свои сокровенные мысли", но "ему же доверяет Чехов и раскрытие своего понимания образа вишневого сада". Чехов, оказывается, не сам раскры-

ством и Ниной. Любовь к ним, маниакально-верную, он пронесет сквозь всю жизнь.

Незабываемая сцена провала треплевского спектакля. Это и поражение, и торжество. Вдруг выбегают молодые, сильные, мускулистые актеры, меньше всего похожие на "декадентов". Начинается их танец вместе с Ниной, все более увлекающий и стремительный. А Треплев, создатель этой дикий-чуждой постановки, сливается с покоряющим ритмом — дирижирует, движется в лад, увлекает танцоров. И когда после очередной ревниво-насмешливой реплики Аркадиной Треплев, всплинув, громко кричит: "Пьеса кончена! Довольно! Занавес!", испытываешь такое ощущение, будто самодовольные, консервативные, удобно и уверенно расположившиеся в искусстве монополисты на твоих глазах задушили авангардизм, едва он попытался стать на ноги.

А потом, после этого триумфального японского спектакля, мы встретились с участниками. Они, такие смелые, дерзновенные на сцене, держались скромно, тихо, учтиво — не хватает слов, чтобы передать, какими обаятельными они были.

В последние годы особенно явственно обозначилась печальная особенность некоторых студийных, молодежных, эпатажных постановок. В одной из них, например, "Чайка" кончается так: после выстрела Треплева за сценой все вздрагивают, а Дорн сообщает Тригорину, что Константин Гаврилович застрелился. Тригорин в свою очередь берет Дорна за нос и тянет к себе. Вот тут-то, наверно, вздрагивают не только все актеры, а и все зрители...

Но радостно бывает встретиться не с таким вот, прошу прощения, творческим выкобениванием, а с непоказным, неподдельно новым подходом к пьесам Чехова. Сам он как-то заметил: "Прав тот, кто искренен".

"Три сестры" на сцене молодого театра на Покровке, поставленные режиссером Сергеем Арцибашевым, — прежде всего искренняя постановка. Участники меньше всего хотели зрителя удивить, ошеломить, озадачить. Они начали с самого простого — пригласили зрителей к себе, в дом Прозоровых, прямо на сцену. В первом действии — день рождения Ири-

ны. Зрители сидят за праздничным столом, а рядом играют артисты. Это не простое вторжение зрителей. Захвачена не сцена, а прежде всего сами зрители.

Может быть, одна из самых важных черт диалога у Чехова-драматурга в том, что исповедальность реплик оказывается безответной. Искренность вопроса не получает ответа.

В театре актеры и зрители общаются и вместе с тем между ними — невидимая стена. В театре же Чехова общение стало еще более доверительным, интимным и в то же время стена — еще более непроходимой. Это прекрасно почувствовал Сергей Арцибашев.

В.И. Немирович-Данченко говорил: "Тем, что в душе Чехова было самым глубоким и серьезным, он не делился с близкими. Как человек большого содержания и скромный, он любил одиночество чувства и одиночество мысли". А Ольга Леонардовна Книппер писала Чехову: "Ты ведь холодный человек будущего!" (23 августа 1900 г.). Часто наблюдавший писателя доктор И.Н. Альтшуллер вспоминал: "Всегда чувствовалось, что всех, даже близких людей он держал на некотором расстоянии от себя, за некоторым барьером, куда никто не допускался". Вот об этом "барьере" у Чехова-человека все время помнит С. Арцибашев, постановщик Чехова-драматурга.

Еще одна цитата. Чехов писал молодому Горькому: "Вы как зритель в театре, который выражает свои восторги так несдержанно, что мешает слушать себе и другим" (3 декабря 1898 г.). Я часто вспоминаю эти слова. В искусстве, как в зрительном зале, надо "сидеть тихо", не лезть к соседу со своими восторгами или возражениями. Не случайно Чехов подарил свою фотографию Вере Федоровне Комиссаржевской с надписью: "В бурный день когда шумело море, от тихого Анто-на Чехова".

Гостеприимство постановщика "Трех сестер" С. Арцибашева по отношению к зрителям — самое радушное и очень строгое. Но зато уже потом, после спектакля, когда за один, не театральный стол сели постановщик, актеры и оставшиеся зрители, началось братание безо всяких барьеров.

Чехов очень любил Льва Толстого — как никого из своих писателей-современников. Они не один раз встречались. А несколько лет спустя после смерти Чехова Лев Николаевич, прочитав о том, как хорошо относился к нему Антон Павлович, написал сыну Сергею Львовичу: "Я не знал, что он меня так любил" (25 марта 1908 г.).

Чехов умудрился так законспирировать свою любовь, что сам Толстой, величайший сердцевед, ее не заметил.

Во многих работах прошлых лет авторы трактовали Треплева как жалкого и хлипкого неудачника, вслед за Аркадиной обзывали "декадентом" — чтобы безоговорочно вознести Нину Заречную. "...Сквозь весь мрак и тяжесть жизни, преодолённые героиней, мы различаем лейтмотив "Чайки" — тему полета, победы" (В.В. Ермаков).

Исполнитель роли Треплева Цухихара Ютака играет бедного, горестного и в то же время непобедимого неудачника. Он хорошо почувствовал всю уникальность этой натуры. В самом деле, Треплев не похож ни на кого из других чеховских героев. Он одержим — не собою, а прежде всего искус-